

Министерство образования Российской Федерации
Петрозаводский государственный университет

На правах рукописи

РУЖИНСКАЯ Ирина Николаевна

**Старообрядчество Олонецкой губернии
в конце XVIII – середине XIX века:
численность, расселение и состав**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

*Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук*

Петрозаводск – 2002

Диссертация выполнена на кафедре истории дореволюционной России
Петрозаводского государственного университета.

Научный руководитель:
кандидат исторических наук, доцент А.М. Пашков

Официальные оппоненты:
доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
Санкт-Петербургского института истории РАН Б. Н. Миронов (Санкт-Петербург);

кандидат исторических наук, заведующий кафедрой гуманитарного и
социально-экономического образования КарИПКРО В.Н.Водолазко
(Петрозаводск).

Ведущая организация:
Российский государственный университет Дружбы народов (Москва).

Защита состоится 23 октября 2002 г. в 15 часов на заседании
диссертационного совета 212.190.04. по присуждению ученой степени
кандидата исторических наук в Петрозаводском государственном университете
по адресу: 185640, Петрозаводск, пр. Ленина, 33, ауд. 274

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиотеки
Петрозаводского государственного университета.

Автореферат разослан “12” сентябрь 2002 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук, доцент

Т.В.Никулина

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. Усиление интереса к религии и собственной конфессиональной идентификации в современном российском обществе вызывает повышенное внимание людей к истории традиционных для России конфессий и их воздействию на развитие культуры и традиций народов России. Переосмысление истоков своего духовного опыта и ценностных ориентиров в этой связи побудило живой интерес к одному из самобытных явлений отечественной истории – старообрядчеству. Являясь сегодня одной из традиционных религиозных конфессий в России, за долгие годы староверие создало своеобразные этические и духовные традиции, оказало заметное воздействие на российскую экономику, общество и культуру. Однако при всем обилии наших представлений об этой конфессии нельзя не признать, что история старообрядчества до сих пор изобилует вопросами, требующими детального изучения. Среди таковых выделяется проблема отсутствия четких данных по исторической демографии староверия, без которых невозможно воссоздание всесторонней картины этого явления в масштабе всей страны. Современное состояние исторической науки позволяет на основе привлечения неизвестных ранее статистических материалов и использования современных методологических подходов существенно дополнить уровень наших знаний по социально-демографической истории старообрядчества.

Длительное время одним из центров староверия на Европейском Севере России являлся Олонецкий край, давший рождение поморскому согласию и его знаменитой Выго-Лексинской обители. История этой киновии всегда привлекала внимание исследователей. Напротив, историко-демографические, этнокультурные, ландшафтно-географические характеристики староверия на территории всей губернии оставались вне зоны изучения. Но именно благодаря многостороннему исследованию численности, состава и расселения старообрядцев в Олонецком крае мы смогли бы реконструировать масштаб регионального распространения староверия в наименее изученный период его истории. Это позволило бы воссоздать полную

картину эволюционного развития данного религиозного, исторического, культурного явления, ставшего реальностью в судьбах многих поколений наших соотечественников. В условиях возрождения традиционных начал нашей духовности и роста разнообразия конфессионального состава верующих исследование демографических аспектов истории старообрядчества делает работу особенно актуальной.

Географические рамки исследования ограничиваются территорией Олонецкой губернии в первой половине XIX века, когда в ее состав входили семь разнообразных по размеру, плотности заселения и уровню развития уездов (Повенецкий, Петрозаводский, Пудожский, Каргопольский, Вытегорский, Лодейнопольский, Олонецкий). После множества административных переделов это территориальное пространство совпало с границами Олонецкой епархии и представляло собой достаточно целостный историко-демографический регион на Европейском Севере России.

Хронологические рамки исследования охватывают период шестидесятилетней истории старообрядчества в Олонецком крае. Нижней границей изучения выбран конец XVIII века, а именно 1795 год, когда в стране проводилась пятая ревизия населения. Верхней границей определена середина XIX века, а точнее 1855 год, ознаменовавший конец царствования императора Николая I, известного своей нетерпимостью к любым формам инакомыслия, в том числе и религиозного. Кроме того, выбор данного временного отрезка объясним рядом объективных обстоятельств. С одной стороны, пристальное внимание исследователей привлекла преимущественно ранняя и пореформенная история староверия, тогда как малоизученным остался период с конца XVIII до середины XIX века. Но именно это время стало наиболее судьбоносным для старообрядцев. С другой стороны, наличие широкого круга малоизученных исторических источников позволяет восполнить недостающие знания по данной проблеме.

Таким образом, *объектом* исследования стало старообрядчество на территории Олонецкой губернии с конца XVIII до середины XIX века. В данном случае речь идет о группе лиц, исповедовавших догматы православной веры в том виде, как они существовали до церковной ре-

формы патриарха Никона (1653-1656), и называемых в официальных документах царской России «раскольниками».

Предметом исследования являются изменения численности, расселения и состава старообрядчества на указанной территории в обозначенное время, особенности эволюции этих показателей под влиянием правительственной политики, а также старообрядческого наставничества. Это помогает всесторонне проследить становление объекта, его развитие и особенности.

Историография. Объем исследований по истории старообрядчества весьма обширен как по временным, так и по географическим границам. Всю историографию можно условно подразделить на досоветский, советский и постсоветский периоды развития, на уровня местных, общероссийских и мировых исследований. При этом нельзя не отметить неравнозначности имеющихся к сегодняшнему дню работ. Во-первых, на страницах трудов общего плана по истории церкви раскрытие темы староверия происходило лишь косвенно. Во-вторых, проблемно-тематические работы затрагивали преимущественно историю Выговской старообрядческой пустыни. В-третьих, историко-демографические и статистические труды практически обошли вниманием интересующую нас проблему. Поэтому перечень специальных трудов и публикаций в рамках исследования невелик.

Весьма важной, хотя и неоднозначной вехой исследований стал *досоветский период* в историографии староверия на территории Олонецкого края. Именно в это время разными научными школами и направлениями был привлечен широкий круг исторических источников, сформулированы методологические установки, намечены приоритетные проблемы в историко-культурном и социально-политическом исследовании старообрядчества. Вместе с тем ряду работ не удалось избежать тенденциозности, контрастности в освещении темы исследования – от «обличения» до идеализации староверов. При существовании единства мнений ученых на необходимость и важность историко-демографических работ по истории старообрядчества таковые практически отсутствовали.

Огромный вклад в изучение старообрядчества внесли ученые-богословы – митрополит Макарий (Булгаков), Н. И. Ивановский, Н. П.

Гиляров-Платонов, П. С. Смирнов, Е. Е. Голубинский, Н. Ф. Каптерев, И. М. Громогласов и др. Их трудами было выявлено множество источников, что существенно расширило понимание сути старообрядчества. Не преодолев упреков в неправоте староверов, эти ученые, тем не менее, постепенно сформировали взгляд на старообрядчество как на не только религиозное явление, но и движение социального протesta.

Создание в 1828 году Олонецкой епархии и активизация миссионерской деятельности против местных старообрядцев послужили толчком к началу локальных православно-церковных исследований староверия. В этой связи интересны работы известного антистарообрядческого деятеля архиепископа Игнатия, опубликованные на страницах газеты «Олонецкие губернские ведомости». С православно-монархических позиций автор попытался разобраться в истории сложных взаимоотношений императора Петра I и обитателей Выга. Результаты борьбы со старообрядцами самого Игнатия позже нашли отражение в работе С. Артоболевского. До сегодняшнего времени не потеряли своего значения и труды епархиального миссионера, преподавателя богословия В. В. Островского. Рассматривая историю старообрядчества на территории Олонецкого края, автор уделил особое внимание описанию Выговской пустыни, ее влиянию на местное население, кульминационным вехам развития. Не умаляя громадного культурно-исторического значения наследия Выга, работы как общероссийских, так и местных православно-церковных историков не избежали тенденциозности.

Попытка научно-исследовательского подхода к изучению нашей темы была предпринята в трудах историков светского направления – П. И. Мельникова-Печерского, Н. И. Костомарова, И. К. Быковского и др. Уйдя от упрощенного взгляда на староверие, авторами была признана идея существования старообрядчества как фактора народной жизни и многих антифеодальных выступлений. Максимального воплощения эти идеи получили в «земской областной теории» А. П. Щапова. Видя в старообрядчестве своеобразный синтез религиозного, историко-бытового и социального явлений, историк ратовал за восстановление гармонии верховного правления и земско-общинных прав. Развитие идей А. П. Щапова нашло дальнейшее воплощение в работах В. В. Андреева, высоко ценившего морально-нравственные качества старообрядцев. Именно этим автором было обращено внимание на то, что при

усилении правительственные гонений среди старообрядцев увеличился элемент фанатичности.

В работах историков-славянофилов и революционных демократов изображение старообрядчества происходило с известной долей идеализации. Осуществив своеобразное «открытие» мира староверия для образованной России, эти исследователи видели в старообрядцах не группу невежественных людей, а явление протesta против современного порядка дел в государстве. Формулируя задачи крестьянской революции, А. И. Герцен, Н. П. Огарев и В. И. Кельсиев были убеждены в наличии мощного элемента крестьянского социализма, присущего, по их мнению, старообрядчеству.

Большая научная значимость была свойственна трудам историков либерально-народнического направления - И. И. Юзова, С. П. Мельгунова, А. С. Пругавина, П. Ф. Шафранова. Круг проблем, привлекавших их внимание, был достаточно обширен, но приоритетное развитие получили история Выговской старообрядческой пустыни, скитский быт, экономические контакты и численность обитателей. Дореволюционный уровень развития статистики современники оценивали скептически, т.к. даже неполные данные в конкретных социокультурных условиях велись вне связи с демографическими и социальными процессами. На страницах журнала «Дело» в 1883 году Я. В. Абрамов попытался обобщить опыт статистических экспедиций 1850-х годов в места компактного проживания старообрядцев. Но подобные дореволюционные изыскания ограничивались механическим сбором сведений без их критического анализа. А. С. Пругавин, большой знаток старообрядчества на Европейском Севере, обратил внимание на то, что при всем обилии представлений о староверии, за гранью исследований остался главный вопрос - численность старообрядцев в стране, их состав, миграция, места расселения. Для обнародования своей программы комплексных действий по сбору сведений о характере и распространении старообрядчества в России А. С. Пругавин использовал трибуну либерально-народнических периодических изданий.

Ценный вклад в разработку истории старообрядчества внесли сами старообрядцы - С. Денисов и И. Филиппов, а позже - И. П. Васильев и И. А. Кириллов. Продолжая письменные традиции духовных лидеров старообрядчества, они уделили большое внимание ранней истории Вы-

га, поморскому согласию, трагическому разделу староверия на поповство и беспоповство.

Всплеск интереса к проблемам краеведения во второй половине XIX века, вызванный реформами Александра II, сопровождался появлением в Олонецком kraе целой плеяды проблемно-тематических работ, так или иначе касающихся исторических судеб местного староверия, авторами которых были путешественники, этнографы, лингвисты, чиновники и др. Наибольшее значение среди подобных работ имели труды Е. В. Барсова, Н. С. Шайжина по истории Выга и К. А. Докучаева-Баскова о каргопольских староверах и Чаженском ските. Но локальный уровень данных исследований по-прежнему слабо освещал демографические проблемы старообрядчества, отдавая явный приоритет истории и значению скитской системы в kraе.

Советский период исследований был весьма специфичен. В первые годы советской власти изучение староверия было продолжено преимущественно историками дореволюционного направления. Особенно показательны в этой связи работы В. Г. Дружинина по истории старообрядческой колонизации Севера и П. Г. Любомирова по истории Выга, обобщивших многолетние исследования этого вопроса. Уже в труде Н. М. Никольского по истории русской церкви, уделившего большое внимание социальной и конфессиональной эволюции старообрядчества в Олонецком kraе, заметно влияние идеологических стереотипов марксистско-ленинской доктрины. Доминирование идеологического фактора, узость масштабности характера работ, преимущественное рассмотрение старообрядчества как формы классовой борьбы - все это существенным образом снижало значение исследований данного периода. Однако именно в советский период времени исследователями был накоплен богатейший археографический материал, на базе которого стало возможным произвести глубокие литературоведческие изыскания в области культурно-исторического наследия староверия.

Конец 1950-х годов вызвал возобновление интереса к истории старообрядчества. Это привело к появлению научных школ на базах университетов Москвы, Ленинграда, Новосибирска и новой серии работ. Эволюционные процессы в старообрядчестве зачастую рассматривались в рамках марксистско-ленинской историографической парадигмы. Особенно показательно это в работах А. Е. Катунского и В. Ф. Миловидова. Соотношение элементов антифеодального и антигосударственно-

го протesta в идеологии староверия нашло отражение в работах Н. Н. Покровского, проанализировавшего социальный состав движения. Попытку исследования уровня достоверности официальной статистики старообрядчества XIX века осуществил В. Г. Карцов. Вместе с тем в этот период было создано ряд ценных трудов по истории культуры, книжности, литературы и общественной мысли старообрядцев. Тогда же исследователи впервые заговорили о необходимости комплексного изучения староверия Севера. Однако большинство работ по-прежнему носили локальный характер и уделяли приоритетное внимание истории Выга. В частности, анализу Палеостровских гарей было посвящено исследование Р. Б. Мюллера, а в работах М. Д. Соколовской и М. И. Башера дальнейшее развитие получило изучение социально-экономических процессов жизнедеятельности Выга.

Специфический блок литературы представляет собой *историография зарубежья*, по-иному взглянувшая на старообрядчество в канве событий «расколотости» русского общества после 1917 года. С одной стороны, это позиция самих эмигрантов-староверов, выразившийся в творчестве В. П. Рябушинекого. С другой стороны, это продолжение традиций историко-критического осмысления старообрядчества в работах А. В. Карташева и Д. В. Поспеловского. Настоящим открытием мира старообрядчества для зарубежных читателей стала книга С. А. Зеньковского, отличающаяся корректностью оценок и максимальной объективностью суждений. Несколько страниц автор уделил истории староверия Олонецкого края, однако в основном его раннему периоду, без внимания к историко-демографическим вопросам.

Постсоветский период в исследованиях был ознаменован усиленным вниманием ученых ко всем граням старообрядчества, в том числе и его истории на территории Олонецкого края. Можно предположить, что глубина, интеграционность исследований, начавшихся с 1990-х годов и продолжающихся до настоящего времени, позволят науке объективно оценить многие загадки староверия. Разнообразие работ современных исследователей старообрядчества определяется целым рядом факторов. С одной стороны, сам проблемно-тематический спектр изучаемых вопросов невероятно обширен. Это темы старообрядческой книжности, иконографии, истории старообрядческих центров, персонажей, предпринимательства. С другой стороны, это разнообразие связано с широким уровнем и плюрализмом мнений, ибо одно и то же явление,

старообрядчество, исследуют как отечественные ученые, так и зарубежные (Р. Моррис, Р. Крамми, Ю. Пентикайнен), как светские, так и старообрядческие (М. О. Шахов). Нельзя не отметить, что, оценивая громадную значимость историко-демографического фактора в изучении староверия, ученые по-прежнему уделяют ему мало внимания. Объяснение этому видится в сложностях методического плана, требующих выявления, математического анализа документального материала, а также интеграции разных дисциплин. Помимо этого, к настоящему времени подобные исследования имеют краеведческий масштаб, статейный, не обобщенный фундаментальными работами в рамках смежных регионов.

Значительный вклад в изучение данной темы внесли работы А. М. Пащкова. Ученый не только продолжил исследование Выга, но и впервые обратил внимание на полигэтничность староверия в данном регионе (карелы, русские, вепсы). На примере староверия Олонецкой губернии середины XIX века им была произведена попытка сопоставления, анализа материалов IX ревизии и статистических сведений МВД о местных старообрядцах. Вопросы статистики старообрядцев рассматривались в исследовании Б. Ф. Детчуева, взявшего в качестве примера региональное староверие в XX веке. Значительное внимание истории старообрядчества в данной местности удалено в обобщающем труде М. В. Пулькина, О. А. Захаровой и А. Ю. Жукова по эволюции православия. Главы, посвященные староверию и написанные М. В. Пулькиным, охватывают не только раннюю историю движения в крае, но и его наименее изученные эпизоды - внутриконфессиональная дробность, взаимоотношения с «миром», контакты с иными старообрядческими центрами, поздние события кануна революции, персоналии. Значительное место истории северного старообрядчества удалено в монографии А. И. Мальцева, акцентирующего внимание на распространении и эволюции идей странничества. Историографическая проблематика и специфика антистарообрядческого законодательства XIX века нашли отражение в статьях В. Н. Водолазко. География распространения старообрядчества, его региональная локализация были подвергнуты анализу в работах Е. М. Сморгуновой, Н. Н. Чураковой и И. Н. Тяпина. Большой коллектив исследователей во главе с Е. И. Юхименко продолжает изучение историко-культурного наследия Выговской пустыни.

Помимо вышеперечисленных историографических блоков в исследовании используется литература историко-демографического и статистического характера. Это работы А. Я. Боярского, К. И. Брук, Я. Е. Водарского, В. М. Кабузана, Б. Н. Миронова, Д. К. Шелестова.

Таким образом, уровень изученности темы исследования определен в большей степени частнопроблемными исследованиями краеведческого масштаба на уровне статей и в меньшей степени - работами общего плана. Историографическому изучению подверглись преимущественно ранняя и поздняя история староверия в крае, культурно-историческая проблематика, эволюция крупных очагов «старой веры» (Выг), специфика внутриконфессиональной специализации. Малоизученными остались демографические проблемы, численность и географическая локализация старообрядцев в первой половине XIX века. Решение этих исследовательских задач видится вполне осуществимым при использовании новых документальных источников.

Источники. Для раскрытия темы диссертационного исследования требуются использование обширной и разноплановой источниковской базы, ее анализ и реконструкция на основе полученного материала достоверных сведений по исторической демографии старообрядцев Олонецкой губернии. Распределив источники по типологическому признаку, можно выделить следующие их группы:

I. Законодательные акты и распоряжения официальных властей.

II. Материалы делопроизводственного характера государственных структур и церковного управления:

- 1) документы распорядительного характера (приказы, инструкции);
- 2) документы докладного характера (рапорты, доносы, записки);
- 3) переписка центральных и местных органов власти;
- 4) документы инспекционных комиссий.

III. Регистрационные учетные и статистические документы (ведомости).

IV. Карты административного устройства Олонецкой губернии.

Всего в работе использовано в общей сложности 154 документальных источника. Большинство из них не было опубликовано ранее и хранится в фондах Национального архива Республики Карелия (далее НА РК).

Весьма ценную группу опубликованных источников представляют акты законотворческой деятельности духовных и светских властей. Именно они отражают эволюционное взаимодействие важнейших институтов государства по отношению к староверию. Различные манифести и указы свидетельствуют об интенсивности внимания властей к негосударственному православию.

Взаимодействие всех уровней власти при решении вопросов, связанных со старообрядчеством, специфически отражено в делопроизводственной документации. Проходящие в основном под грифом секретности, они включают широкий круг рапортов, отчетов, журналов, прошений, экстрактов и т.д. При поступлении в учреждения эта документация подлежала регистрации с кратким изложением содержания и назначением исполнителя. Таким образом, можно достаточно точно установить судьбу прохождения того или иного документа в бюрократических «коридорах» власти того времени, отношения духовных и светских чиновников к вопросам старообрядчества, интенсивность исполнения решений столичного начальства местными структурами. Такие документы находились в фондах канцелярии Олонецкого губернатора (НА РК, ф. 1, оп. 36, оп. 46), Олонецкого горного правления (НА РК, ф. 2, оп. 8), Петрозаводского и Олонецкого духовных правлений (соответственно НА РК, ф. 126, оп. 3; ф. 300, оп. 1), правления Олонецкой духовной консистории (НА РК, ф. 25, оп. 1, оп. 8, оп. 15, оп. 16, оп. 20).

Особенно большую группу источников составляет статистическая документация. С учетом известной доли ее неполноты и тенденциозности нельзя не признать исторической ценности таких документов. В них можно выявить не только демографические данные о составе местного староверия, но и персоналии наставничества, миграционную подвижность, географию расселения, внутриконфессиональную специфику старообрядцев. Этот информационный ресурс сосредоточен в фондах канцелярии Олонецкого губернатора (НА РК, ф. 1, оп. 10, оп. 36, оп. 43, оп. 46), Олонецкого земского суда (НА РК, ф. 187, оп. 1), Петрозаводского кафедрального собора (НА РК, ф. 593, оп. 3) и Олонецкой духов-

ной консистории (НА РК, ф. 25, оп. 1, оп. 2, оп. 7, оп. 11, оп. 15, оп. 16, оп. 18, оп. 19). Ключевыми источниками подобного рода являются «Клировые ведомости о числе раскольников», «Именные списки раскольников», «Мясопустные росписи», а также «Отчеты о расколе» земских исправников, духовенства, городничих. Заметное единство с 30-х годов XIX века начали приобретать губернаторские отчеты, когда в губерниях стали создаваться статистические комитеты. Таким образом, наиболее полные учетно-статистические данные о местном старообрядии можно получить в комплексном использовании и исследовании ревизской, церковной и административно-полицейской документации.

При написании диссертации помимо неопубликованных статистических источников использовались статистико-экономические публикации, изданные в XIX веке: описания Олонецкой губернии К. Ф. Бергштрессера (1838) и В. А. Дацкова (1842), материалы из «Памятных книжек» Олонецкой губернии, «Олонецких сборников». Из многочисленных старообрядческих сочинений использовались данные «Лексинского летописца». Воссоздание географии расселения старообрядческих поселений произведено на основе карты Олонецкой губернии середины XIX века с «точечной привязкой» мест компактного проживания старообрядцев по уездам, городской и сельской местности.

Несмотря на недостаточную информативность и тенденциозность весь комплекс использованных источников достаточно сопоставим. При отсутствии иной источниковой базы, что отмечали ученые еще в XIX веке, данное исследовательское поле достаточно репрезентативно для решения поставленных задач.

Методология и методика исследования. Методологической основой исследования является диалектический подход к изучению исторических процессов, представляющих собой гармоническое единство принципов объективности, научности, историзма. Объективность подразумевает в данном случае непредвзятую оценку имеющихся фактов о численности, составе и расселении старообрядцев в Олонецком kraе. Историзм помогает реконструировать изучаемые явления в неразрывном контексте с социально-экономическими и этнокультурными процессами среди населения данного kraя, со спецификой государственной политики того времени. Научность исследования требует привлечения конкретно-исторического, историко-сравнительного методов, количе-

ственного и картографического анализа, историко-научной реконструкции, а также интеграции данных методик в междисциплинарных связях.

Научная новизна и значимость работы заключается в том, что на основе вовлечения в научный оборот не опубликованных ранее архивных данных предпринята попытка комплексного историко-демографического исследования старообрядчества Олонецкой губернии в наименее изученный период его истории. На примере данного региона в комплексе методик научного исследования показана возможность статистической реконструкции и картографического воплощения одного из самых сложных явлений отечественной истории.

Практическая значимость диссертации. Результаты исследования могут быть использованы в преподавании курсов «История Отечества», «История Карелии», в обобщающих и специальных трудах по истории религии, этносоциологии, краеведению, статистике, при подготовке учебных пособий.

Апробация результатов исследования проходила во время выступлений на научно-практических конференциях международного, всероссийского и регионального уровней. Среди них: «Старообрядчество: история, культура, современность» (Москва, 1998, 2000 гг.), «Карелия и Финляндия на пороге нового тысячелетия» (Петрозаводск, 1999), «III краеведческие чтения, посвященные памяти С. В. Шежемского» (Кондопога, 2000), «Православие в Карелии» (Петрозаводск, 2000), «"Свое" и "чужое" в культуре народов Европейского Севера» (Петрозаводск, 2001), «А. И. Гучков и судьбы либерализма в России» (Москва, 2001). Текст диссертации обсуждался на заседании кафедры истории дореволюционной России Петрозаводского государственного университета.

Структура диссертации определена исследовательскими задачами. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка источников и литературы, приложения. Первые два раздела обеих глав носят обзорный характер и призваны показать состояние развития старообрядчества в стране, специфику правительственной политики по отношению к нему, конкретно-исторические, социальные и экономические условия в Олонецкой губернии того времени. Последние разделы

глав освещают состав, численность и расселение старообрядцев в крае. При таком распределении материала создается наиболее полное представление об эволюции старообрядчества на местном и общероссийском фоне. В заключении сформулированы главные выводы диссертационной работы. Приложение содержит визуальное выражение результатов исследования, представленных в виде наглядных таблиц и карт.

Основное содержание работы

В введении обосновываются актуальность и новизна исследования, определяются объект, предмет, цель, задачи, хронологические рамки, территориальные границы исследования и методологические основы диссертации, анализируется степень изученности проблемы,дается характеристика источниковой базы работы.

В первой главе «Старообрядчество Олонецкой губернии в конце XVIII - первой четверти XIX в.» анализируются динамика численности, половозрастного, внутриконфессионального и этнического состава становеров Олонецкого края в указанный период времени. Здесь же исследуется территориальная локализация старообрядцев в городской и сельской местности на фоне социально-экономического развития края, правительственной политики и внутренних тенденций движения в общероссийском масштабе. К концу XVIII века старообрядчество на территории губернии имело достаточно прочные позиции, было распространено во всех семи уездах. Однако это распространение было весьма неравномерным, явно тяготея к пограничным районам, экономически развитым центрам, скитам. В каждом уезде, таким образом, образовались свои «канклавы» веры. В Повенецком уезде это были ВыгоЛексинское общежительство, села Борецкое, Боровское, Кодозero, Чавшезеро, в Лодейнопольском уезде - Косельский и Оштинский приходы, в Вытегорском уезде - Андомский старообрядческий скит, Маткозерский и Шильдский приходы, в Петрозаводском уезде – Толвуйский, Кижский, Петропавловский приходы, в Каргополье - Кенорецкий, Архангельский, Чурьевский, Устьвельский приходы, в Олонецком уезде - Рыпушкальский, Ильинский и Видлицкий приходы, а в Пудожском уезде - районы, граничащие с Каргопольем. Наиболее объективные данные о численности старообрядцев на территории края в указанное

время появились лишь к концу первой четверти XIX века, тогда как статистика конца XVIII века фиксировала в основном «записных раскольников», то есть потомков тех, кто некогда платил двойной налог. Таких старообрядцев оказалось в крае немного, всего 0,35% от общего населения, или 712 человек. В основном они проживали в Вытегорском, Олонецком и Петрозаводском уездах и в городе Олонце. Данные свидетельствуют, что большинство их составляли пожилые женщины.

Статистические сведения времени царствования императора Александра I более точные и свидетельствовали о наличии в губернии в 1825 году 8 764 старообрядцев, то есть о том, что каждый двадцатый житель края исповедовал «древнее православие». С одной стороны, это говорит о процессе динамичного роста численности староверов, а с другой стороны - о лучшем учете подобной категории лиц. Особенно много староверов приходилось на Повенецкий уезд, самый северный район губернии, самый труднодоступный, но имевший знаменитые центры веры - скиты. Здесь каждый пятый житель, по официальным данным, был «раскольником».

Показатель динамики численности старообрядцев отразила неравномерность их территориальной локализации. Так, за 1815-1825 годы доля староверов в сельской местности увеличилась. В городах же, наоборот, медленно сократилась с 5,37 до 3,95 %. Близость и пристальный надзор духовных и светских властей затруднял возможность исповедания «веры отцов» именно в городской местности. По-прежнему сильными позициями отличалось старообрядчество в Олонце, Вытегре, Петрозаводске - самых крепких в экономическом плане городах губернии.

Половой состав старообрядчества края отражает общероссийскую тенденцию доминирования лиц женского пола. Староверы-женщины составляли 2/3 всех старообрядцев Олонецкой губерниями, число их со временем только росло.

Заметным изменениям подвергся и возрастной состав старообрядцев, в котором все больше ощущалась тенденция «старения» состава его участников. Так, если в 1815 году доля лиц старше шестидесяти лет составляла 28,69 %, то через десять лет - уже треть всех старообрядцев, причем одинаково по половой принадлежности. Особенно заметно этот процесс наблюдался в старообрядческой среде Пудожского, Олонецкого уездов и города Каргополь.

Социальный состав староверов губернии отличался преобладанием крестьян, особенно государственных, доминирующих среди жителей края. Лишь очень незначительно присутствовала группа - 30 человек (0,36 %) - частновладельческих крестьян-старообрядцев. Все они проживали в мелких и бедных поместьях южных уездов губернии - Люговском приходе (Лодейнопольский), Бадогском приходе (Вытегорский), Шуйском приходе (Петрозаводский). Также мала доля старообрядцев среди экономических крестьян, которые проживали в деревнях Бордовская (Лодейнопольский уезд) и Кулчевская (Петrozаводский уезд). Все обельные крестьяне-староверы компактно проживали в деревне Таретино (Петрозаводский уезд).

Существенно дополняли социальный состав старообрядцев края сословия мещан и купцов. Особенno интересна в этой связи картина распространения старообрядцев среди сословий Петрозаводска. К 1825 году половина всех купцов-староверов губернии проживала именно здесь. Среди мастеровых Александровского пушечного завода отличались особым трудолюбием, благочестием и старанием 69 рабочих-старообрядцев. Более всего мещан-старообрядцев проживало в Вытегре и в экономически развитых селениях Олонецкого уезда. Так, в Ильинском и Рыпушкинском приходах численность мещан-старообрядцев заметно увеличилась. Отток капиталов из Олонца в Петербург ослабил в этом городе группу купцов-старообрядцев.

Внутриконфессиональный состав староверов края в это время включал в себя сторонников основных беспоповских согласий - даниловского, филипповского, федосеевского, хотя их численность с течением времени изменилась. Однороден внутриконфессиональный состав Каргополя (филипповцы), Повенца (даниловцы), Вытегры (филипповцы), Лодейнопольского (филипповцы) и Повенецкого (даниловцы) уездов. В остальных городах и сельских районах при смешении согласий одно из них все же преобладало. Исключением являлся состав обитателей города Лодейное Поле, в котором вообще не было выявлено старообрядцев. Постепенно численность старообрядцев наиболее радикальных согласий в губернии становится все меньше. Так, если в начале XIX века к филипповцам относились каждые два из трех старообрядцев губернии, то к 1825 году число сторонников умеренного даниловского согласия возросло до 4905 человек (55,97 %). Особенно интенсивно этот процесс охватил молодое поколение староверов. Среди радикаль-

ных согласий не только выросло число пожилых людей, с 28,16 до 46,33%, но и снизилась доля молодых - с 31,77 до 10,39%. Пудожский уезд в то время был единственным районом губернии, где проживали федосеевцы, причем все они были лицами очень пожилого возраста.

Этнический состав староверов края отличался уникальным смешением русского и финно-угорского этносов. И хотя достоверной статистики по учету старообрядцев-карел в это время еще не было, но источники свидетельствовали о наличии «карел-раскольников» в Петрозаводском уезде (Шуйская, Саменижская, Рыборецкая, Петропавловская вотчины), в Олонецком уезде (особенно Видлицкий приход) и повсеместно в Повенецком уезде.

В целом же на положении старообрядцев Олонецкой губернии этого времени существенно отразился ряд обстоятельств. Первые попытки выяснения масштаба распространения староверия в крае были непоследовательными, не согласованными по ведомствам, а общегосударственный курс действий против старообрядцев так и не был выработан. С другой стороны, само местное начальство пользовалось коммерческими связями староверов в снабжении губернии хлебом, что не могло не влиять на уровень лояльности представителей власти. Число староверов росло год от года, что подтверждалось даже официальной статистикой. Решительные действия к пресечению этого не предпринимались, власти ограничивались лишь мерами духовного назидания.

Вторая глава «Старообрядчество Олонецкой губернии во второй четверти XIX века» посвящена эволюции демографических показателей численности, состава и расселения староверов в условиях ужесточения правительственного курса на фоне социально-экономического развития края. Программа императора Николая I, направленная на уничтожение старообрядчества в стране, неизбежным образом должна была коснуться и Олонецкой губерни, одного из центров староверия на Севере России. Усилившиеся правительственные гонения, успешно воплощаемые в жизнь местными властями, повлияли на численность старообрядцев. Только в местах компактного проживания староверов их доля осталась достаточно стабильной. Особенно заметно это было там, где высоким уровнем отличалось хозяйственное развитие местности - в Заонежье (особенно Шуньга), в селе Ошта, в Ильинском приходе. Принятие жестких мер по отношению к финансовой опоре старообрядцев, торгово-

промышленным кругам, привело к заметному снижению городского староверия. Наиболее интенсивно этот процесс прошел там, где купечество перемещало капиталы в Петербург и покидало губернию. Судьба старообрядцев города Олонца явилась наиболее яркой иллюстрацией этого явления. Центрами веры и подготовки наставников на территории губернии дольше всех оставались Андомский и Выго-Лексинский скиты, села Ошта, Ильинское и Толвя. Напротив, «распыленность» обитания старообрядцев способствовала быстрому снижению их численности. Особенно заметно это проявилось в динамике численности староверов Олонецкого и Пудожского уездов.

Наибольшее число старообрядцев губернии было выявлено в ходе статистических исследований МВД. Эти данные зарегистрировали в 1853 году 18 197 старообрядцев, что составляло 6,36 % всего местного населения. Основную массу сторонников «древлего православия» концентрировали труднодоступные районы Повенецкого уезда. Этому способствовали и острая нехватка священников, особенно знающих карельский язык, и удаленность властей, и близость Выга. Так, если в 30-е годы XIX века на территории Повенецкого уезда проживали 3 833 старообрядца (43 % всего их числа), то через десять лет - уже каждый второй старообрядец губернии. Запретом на проживание молодежи в скитах и разгромом Выга власти пытались изменить ситуацию. Однако даже в середине XIX века 7 164 человек из 24 423 жителей уезда (29,33%) держались «веры отцов».

Медленно, но достаточно заметно снизилось число городских старообрядцев. Можно констатировать, что к середине XIX века старообрядчество Олонецкой губернии было практически полностью сельским.

Половозрастной состав староверов края во второй четверти XIX века приобрел свои специфические особенности. При сохранившемся преобладании женщин существенно снизилась доля детей и молодежи, особенно в городах. Жесткие условия выживания, в которые были поставлены старообрядцы, привели к тому, что приверженность и стойкость в вере продолжали «держать» лица старшего возраста. Наиболее интенсивно процессы «старения» охватили состав петрозаводского и пудожского старообрядцев. Особенно заметно это явление проявилось в период антистарообрядческих гонений с 1836 по 1842 годы.

В характере социальной принадлежности старообрядцев Олонецкой губернии второй четверти XIX века сохранилась тенденция преоб-

ладания категории государственных крестьян. Доля остальных крестьянских сословий заметно снизилась. Если среди крепостных крестьян губернии старообрядцем был лишь каждый 50-й, то среди обельных - каждый второй. По-прежнему малы были группы «солдат», «солдаток», а также «мастерового люда». Небольшую, но влиятельную прослойку составляли мещане и купцы. «Искоренение раскола», энергично проводившееся духовными и светскими властями во второй четверти XIX века, во многом было направлено на эту группу староверов. В результате доля старообрядческого посада заметно сократилась и стала менее 1% старообрядцев губернии. Особенно заметно этот процесс коснулся мещан-старообрядцев. Тем не менее обширные экономические, конфессиональные связи купцов и мещан в старообрядческой среде, их материальная и духовная поддержка одноверцев, всеобщий авторитет - все эти обстоятельства привели к тому, что среди них было много наставников и «требоисправителей».

Изменившиеся условия существования старообрядцев привели к принципиальной перемене их внутреннего конфессионального состава. На фоне повсеместного распространения в губернии беспоповских согласий число филипповцев явно сократилось. Уже к середине XIX века три четверти местных старообрядцев принадлежали к даниловскому согласию, особенно среди горожан. Необходимость адаптации к внешним обстоятельствам наиболее ярко отразилась на эволюции оштинских староверов Лодейнопольского уезда, перешедших постепенно на позиции умеренных даниловцев. Нельзя не заметить, что умеренность даниловского согласия была более привлекательна для старообрядческой молодежи, нежели радикализм филипповского. Как в годы гонений, так и при их отсутствии процессу «старения» подвергся состав старообрядцев именно филипповского согласия. Данные статистики свидетельствуют, что, несмотря на ужесточение правительенного курса по отношению к старообрядцам, наиболее непримиримые староверы губернии перешли на позиции крайне радикальных согласий. Доказательством этого явилось появление на территории Олонецкой губернии к середине XIX века аристовцев, федосеевцев, странников-бегунов. Особенно быстро их идеи распространились там, где ранее было много филипповцев, - в Каргопольском и Петрозаводском уездах. И хотя их число, по официальным данным, не превысило 1% старооб-

края, это явление очень насторожило как духовные, так и светские власти.

Вторая четверть XIX века в истории Олонецкой губернии стала временем, когда появились первые попытки выяснить этническую принадлежность местных староверов. В ходе исследования на основании данных официальной статистики того времени определено, что из всех 61 866 представителей финно-угорского этноса, по данным на 1836 год, 3 726 человек (6,02%) были старообрядцами, преимущественно Повенецкого уезда. Таким образом, от общего числа староверов губернии этого времени представители коренного этноса составляли третью часть. Особенно много карел-старообрядцев проживало в Паданском, Ребольском, Ругозерском приходах (Повенецкий уезд), Ильинском, Горском, Видлицком приходах (Олонецкий уезд), Линдозерском, Мунозерском и Лычноостровском приходах (Петрозаводский уезд). Очень немногих староверов было среди вепсов Лодейнопольского уезда.

Своеобразной иллюстрацией состава старообрядцев Олонецкой губернии являлись обитатели Выга. Здесь не только преобладали, но даже доминировали женщины, хотя возраст даниловских обитательниц был несколько моложе лексинских. Основу жителей Выга составили крестьяне Повенецкого уезда. В Данилово на проживании находилось достаточно много приезжих состоятельных купчих из Зарайска, Петербурга, Москвы, Тихвина, Ревеля, Романова, а в Лексе - мещанок. Уничтожение Выга власти начали именно с выселения этих категорий лиц, поддерживавших обитель материально.

Жизнестойкость старообрядчества на территории Олонецкой губернии во многом объяснялась активной деятельностью старообрядческих наставников. По данным середины XIX века, здесь было выявлено 165 таких духовных пастырей. В их составе преобладали мужчины старшего возраста, грамотные, зажиточные, имевшие домашние моленные, тесно контактировавшие с иными старообрядческими центрами (Петербург, Москва, Мегра, Пахколамби, Топозеро). Примечательно, что в районах проживания карел у таких старообрядческих наставников отсутствовал языковой барьер со староверами. В активной борьбе с наставниками власти использовали весь комплекс мер, от полицейских до миссионерских.

Заключение диссертации содержит обобщающие выводы итогов исследования. Известно, что составной частью населения Олонецкого

края были старообрядцы. Именно сюда, в эти труднодоступные места, бежали сторонники «древлого православия». Именно здесь они создали свои центры духовной и хозяйственной жизни - скиты и монастыри. Именно отсюда влияние старообрядчества распространилось на местное население. Уже к концу XVIII века Олонецкий край стал одним из центров беспоповского согласия на Севере России. С одной стороны, местное старообрядчество разделило судьбу общероссийского староверия. С другой стороны, природно-географические, социально-экономические, этнокультурные особенности территории и населения края предопределили специфические факторы в собственной эволюции местных старообрядцев.

Численность староверов на территории Олонецкой губернии в большой степени определялась влиянием правительственной политики, уровнем сбора статистической информации, внутренними явлениями в развитии самой конфессии. Отсутствие гонений в годы правления Александра I, либеральное или терпимое отношение к ним со стороны местных чиновников укрепляли позиции старообрядцев. В такие годы их численность динамично росла. Антистарообрядческий курс Николая I, ознаменовавшийся крупными волнами репрессий (1836-1842 и 1852-1855 годы), привел к уменьшению доли староверов. Тем не менее даже самые тщательно собранные официальные данные первой половины XIX века свидетельствовали, что численность старообрядцев не превышала 6,36% всего местного населения.

Крайней неравномерностью отличалась географическая локализация старообрядческих поселений. Более всего староверов приходилось на развитые экономические районы губернии, расположенные вдоль торговых путей, на территории вокруг труднодоступных скитов и монастырей, пограничные местности, куда можно было укрыться на случай преследований. «Распыленность» обитания, низкое вовлечение в торгово-промышленную деятельность не способствовали консолидации старообрядцев. В целом среди староверов края преобладали женщины. Снижение доли горожан-старообрядцев происходило в основном за счет мужчин. Можно признать, что за годы первой половины XIX века старообрядчество Олонецкой губернии почти полностью стало сельским по составу. Социальный состав местных староверов отличался пестротой, однако в нем заметно доминировала категория «казенных» и приписных «горного ведомства» крестьян, то есть экономически более

самостоятельных групп населения. Таким образом, староверие не являлось формой социального протesta для помещичьих крестьян губернии. Хотя среди сторонников «древлего православия» присутствовали купцы и мещане, но социальный состав зажиточного слоя старообрядцев определяли не они, а «капиталистые» крестьяне Заонежья, Оштинского и Ильинского приходов, Каргополья.

Городское старообрядчество края было достаточно моноэтнично (за исключением Олонца). Напротив, в Повенецком, Олонецком, Петрозаводском уездах оно представляло собой уникальное смешение русского и финно-угорского этносов. Активное вовлечение коренного населения в торгово-промышленную деятельность способствовало его билингвизму. Но нельзя не признать, что распространение староверия для карел в условиях русификации явилось своеобразной формой сохранения национальной самобытности, ибо большинство миссионеров официального православия того времени не владело карельским языком. Нельзя не учитывать и мощного фактора влияния соседствующего русского населения.

Староверие Олонецкой губернии отличал сложный внутриконфессиональный состав. Влияние правительственныеых репрессий в крае привело к тому, что среди старообрядческих слоев происходит заметное снижение радикализма, переход на умеренные позиции даниловского согласия. Особенно интенсивно этот процесс охватил горожан-старообрядцев и молодое поколение сторонников «древлого православия». Поэтому меньший радикализм даниловского согласия давал старообрядца больше возможностей к адаптации в тяжелые времена гонений.

Многолетняя борьба властей, направленная на уничтожение старообрядчества в Олонецкой губернии, была непоследовательна и противоречива. Запретом на отправление старообрядческого культа, лишением имущества, тюремными заключениями и высылкой лидеров движения, невыдачей «гильдицких свидетельств» купцам-старообрядцам, полицейским надзором, разгромом скитов и монастырей - всеми этими мерами предполагалось быстро «искоренить раскол». Действительно, за это время были разорены Чаженский, Андомский и Выговский скиты. Часть старообрядцев, имея многолетний опыт конспиративного существования во враждебной среде, увлеклась идеями странников-бегунов. Иные, особенно среди посадских слоев, перешли на позиции официаль-

ного православия. Но основная масса староверов нашла возможным приспособиться к окружающим условиям, перейдя на позиции умеренных согласий, сохранив истовую привязанность к «вере отцов». Внешние и внутренние кризисы староверия этого времени не привели к его полному уничтожению, однако не могли не повлиять на эволюционное изменение численности, состава и локализации старообрядцев.

Приложение содержит 20 таблиц, иллюстрирующих численность и состав старообрядцев на территории Олонецкой губернии в указанный промежуток времени с учетом географической локализации, и 5 карт, графически изображающих сосредоточие очагов старообрядчества в регионе с учетом специфики состава.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Отчеты приходских священников как источник о состоянии старообрядчества в Олонецкой епархии в начале 1840-х гг.// Старообрядчество: история, культура, современность: Материалы IV научно-практической конференции. М., 1998. С. 100-102.
2. Именные ведомости как источник о состоянии старообрядчества в Олонецкой губернии в начале XIX века // Точное гуманитарное знание: традиции, проблемы, методы, результаты: Тезисы докладов и сообщений научной конференции. М., 1999. С. 129-130.
3. Старообрядцы Олонецкого уезда // «Олонцу – 350»: Тезисы научно-практической конференции. Олонец, 1999. С. 63-68.

4. Старообрядчество как феномен религиозной жизни карелов Олонецкой губернии в XIX веке // Карелия и Финляндия на пороге нового тысячелетия: Тезисы докладов международного симпозиума историков. Петрозаводск, 1999. С. 51-53.
5. Приходские священники о благочестии жителей Олонецкой губернии в XIX - начале XX вв. // Православие в Карелии: Материалы республиканской научной конференции. Петрозаводск, 2000. С. 106-115.
6. Старообрядчество городов Олонецкой губернии в XIX веке // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 8. М., 2000. С. 58-62.
7. Старообрядческое прошлое Кондопожского края // Кондопожский край в истории Карелии и России: Материалы III краеведческих чтений, посвященных памяти С. В. Шежемского. Петрозаводск; Кондопога, 2000. С.154-159.
8. Ф. А. Гучков в петрозаводской ссылке // Старообрядчество: история, культура, современность: Материалы V научно-практической конференции. М., 2000. С. 142-148.
9. Демографические аспекты старообрядчества XIX - начала XX века // Актуальные вопросы истории России на пороге XXI века: Материалы XXI Всероссийской заочной научной конференции. СПб., 2001. С. 220-223.

10. «Свои» и «чужие» духовные пастыри в борьбе за души старообрядцев (на примере Олонецкой губернии середины XIX века) // «“Свое” и “чужое” в культуре народов Европейского Севера»: Материалы третьей международной научной конференции. Петрозаводск, 2001. С. 24-28.

РУЖИНСКАЯ Ирина Николаевна

**Старообрядчество Олонецкой губернии
в конце XVIII – середине XIX века:
численность, расселение и состав**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

*Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук*

ЛР ИД № 02969 от 06.10.2000.

Гигиенический сертификат № 10 КЦ 34.953.П.00136.03.99 от 05.03.99

Подписано в печать 16.07.02. Формат 60x84¹/16.

Бумага офсетная. Офсетная печать.
1,7 уч.-изд.л. Усл.кр.-отт. 9. Тираж. 100 экз. Изд. № 138.

Петрозаводский государственный университет
Типография Издательства Петрозаводского государственного университета
185640, г.Петрозаводск, пр.Ленина, 33